

БАБУШКА НАНЭ
ИЗ СЛАВНОГО ГОРОДА
АЛЕППО
И ДЕДУШКА ЭМИЛЬ
ИЗ ИЛЬ-ДЕ-ФРАНС

Рассказ

1.

— Осторожней, тга-джан!¹ Альбертик? Что у вас там творится? Вы с утра какие-то перевозбужденные! С мамой все хорошо? — спросила необъятная в своих размерах и своем любопытстве тетя Сильва соседского сына, который вылетел торпедой из квартиры напротив и чуть было не сбил ее с ног.

— Бабушка Нанэ из деревни приезжает! Впервые за двадцать пять лет! — ответил Альбертик, которому, к слову сказать, было уже тридцать лет, где-то с нижних этажей дома. — Я — за хлебом! Папа поехал за ней в Грчаван! Скоро будут!

— Вай аман! — тетя Сильва бросила тряпку, которой швабрила лестничную площадку, в ведро с водой и завопила: — Роза! Роз! Ахчи², выходи! К тебе свекровь приезжает, а я ничего об этом не знаю?!

Бабушка Нанэ действительно не приезжала в Ереван двадцать пять лет, с самой Независимости, с 1991 года то есть. Жила себе в деревне Грчаван. Сын с внуками сами приезжали ее навестить, и она готовила по такому случаю пирожки. Пирожки у бабушки Нанэ получались мало того, что поразительно вкусные, но еще и идеальные по размеру. Пирожки, говорила Нанэ, должны быть ровно на один укус — половину куснул, а вторую половину уже полностью отправил в рот — не больше и не меньше. Любое отклонение в ту или иную сторону расценивалось как бестактность,

---

Ованес Грачинович Азнаурян родился в 1974 году. Окончил Ереванский педагогический институт, факультет истории и основ права. Преподавал историю в ереванской школе им. А. П. Чехова, в настоящее время работает в сфере ИТ. Печатался в изданиях: «Литературная Армения», «Эмигрантская лира», «Revue svetovej literatúry» («Ревю мировой литературы», Словакия), «Ex-Libris», «Гвидеон», «Нева», «Дружба народов», «Октябрь», «Урал» и т. д. Автор книг повестей и рассказов «Симфония одиночества» (Ереван, 2010), «Симфония ожидания» (Ереван, 2014). Шорт-лист литературной премии «Русский Гулливер». Член Клуба писателей Кавказа. Живет в Ереване.

¹ Мальчик (арм.).

² Девочка, девка (арм., разг.).

по меньшей мере. Пирожки эти надо было запивать сладким чаем, чтоб окончательно и бесповоротно почувствовать счастье, и в этом тоже была уверена бабушка Нанэ.

Она родилась и выросла в Алеппо. И жила себе в этом славном городе до 1946 года, когда ее родители решили репатриироваться в Советскую Армению. Воспользовавшись призывом Советского правительства от ноября 1945 года вернуться в Советский Союз всем гражданам СССР, кто по разным причинам во время войны оказался на территории иностранных государств, руководство Армянской ССР возобновило мероприятия, прерванные войной, направленные на организацию репатриации армян диаспоры³. Вот родители Нанэ и решили переехать на историческую Родину — чтоб начать новую жизнь. Нанэ помнила это путешествие на белом красивом лайнере. Как все радовались, танцевали, пели! Помнила греческие острова, помнила Босфор и Дарданеллы, помнила Батум. А потом помнила поезд, который привез их в Ленинакан⁴. Бабушка Нанэ прекрасно помнила, как на одной из станций отец вышел из вагона, опустил на колени и поцеловал землю...

В Ереване отец Нанэ — Степанос ахпар⁵ — стал работать в типографии корректором. Делал он и редакторскую работу. Все было хорошо, но потом наступил год 1949-й. Тот самый, названный годом Великого Изгнания, когда в Алтайский край было переселено из Армении 2982 семей (кстати, репатриантов забирали по тем же самым спискам, по которым они регистрировались по прибытии в Армению в 1946 году). Степаноса ахпара с женой арестовали, тем более что именно в это же самое время на отца Нанэ пришел донос, мол, тот бросил на пол в цехе типографии портрет Сталина. Никакого портрета, конечно, никто не бросал. Степанос ахпар бросал на пол отбракованные листы газеты «Советакан Хайастан», на первой странице которой был портрет вождя всех времен и народов. Тем не менее арестовали — причем не только самого Степаноса ахпара, но и его жену, тикин⁶ Вардуи. Двадцатитрехлетняя Нанэ спаслась только потому, что незадолго до того вышла замуж за инженера Акопяна, который был родом из села Грчаван, под Эчмиадзином, и сменила фамилию. Вскоре родился сын, Артак, и бабушка Нанэ больше никогда в жизни не слышала ничего о родителях своих — Степаносе ахпаре и тикин Вардуи. Помнила ли она Алеппо? Конечно, да! Все помнила. И город сам Халеп, столицу Серой провинции, и церковь, и школу в нем. Помнила отдельные лица. Помнила, как однажды с отцом поехали в Пальмиру...

Когда она заговорила с сыном Артаком, который вез ее теперь в Ереван на такси, старик таксист спросил бабушку Нанэ, не из репатриантов ли она: за семьдесят лет проживания в Армении бабушка таки не утратила свой западноармянский говор.

— Да. Из Халепа мы *приехавшие*, — согласилась бабушка Нанэ и тоже в свою очередь спросила: — Вы тоже *приехавший*?

— Из Парижа *приехавший* я, из Иль-де-Франс, — с некоей комичной важностью ответил таксист Эмиль, перешедший на западноармянский говор.

³ 7 июня 1945 года министр иностранных дел СССР Молотов выдвинул на встрече турецкому послу в Москве требование о пересмотре советско-турецкой границы. Для обоснования этих претензий сразу же после завершения конференции в Ялте советское руководство во главе со Сталиным инициировало увеличение состава населения Армянской ССР и начало переселение армян из зарубежья на территорию Армении. В 1945 году новоизбранный армянский католикос Геворг VI направил письмо Сталину с выражением поддержки политики Сталина по репатриации армянской диаспоры в Армянскую ССР и возвращению армянских земель в Турции. Это было частью общественной кампании, направленной на создание гуманитарного обоснования территориальных претензий к Турции, инициированной Сталиным (*Википедия*).

⁴ Ныне город Гюмри.

⁵ Брат (*зап.-арм.*).

⁶ Госпожа (*арм.*).

Артак понял, что ему не придется всю дорогу развлекать свою девяностолетнюю маму: таксист вполне поладил с ней, и теперь они без умолку болтали. На своем. И о своем.

Из разговора с бабушкой Нанэ старый таксист и выяснил, что та двадцать пять лет не была в Ереване.

— А теперь, когда мне стукнуло девяносто — наверняка помру я скоро, — я хочу поехать в Ереван и посмотреть передачу моей внучки. По телевизору. О Шарле. Знаете? Моя внучка — известный журналист! Телевизор же я свой продала... еще в девяносто первом, когда *наш* Акопян помер.

— Ереван вы совсем не узнаёте, — сказал Эмиль. — Он очень изменился. И люди изменились. Я часто никого не узнаю. Вернее, не узнаю привычных «типажей».

— Я и не хочу никого узнавать, — неожиданно рассердилась бабушка Нанэ. — Все поменялось. Людей *поменяли*. Страну развалили. Камня на камне не оставили. Разве так можно? Помните, что сказал Грант?⁷ Что пропало ощущение причастности к великому целому. Вот так. Раньше мы были частью великой страны, а теперь захотели стать частью мира, но не сумели. Отсюда и местечковость. Вот поэтому я и не приезжала в Ереван. Раньше Ереван больше был похож на столицу мира, чем теперь, когда стал независимым... И когда Советский Союз развалился, *наш* муж умер. Сердце не выдержало.

— Интересно... — сказал таксист. — Да вы империалист, Нанэ майрик!⁸ И я с вами не согласен. Лучше независимое, чем колониальное! Это мое убеждение! Как вы можете так говорить, ай майрик джан, если вашего отца арестовали и, возможно, расстреляли?! Мне это не понятно! Мне дороже свобода!..

— Перестань называть меня «майрик»! — прервала таксиста старушка, запросто перейдя на «ты». — Я лишь на пять лет старше тебя! Свобода заключается не в безнаказанности врать и воровать... Раньше стеснялись врать и воровать. Сейчас же это считается особой доблестью!

Артак, сын Нанэ, усмехнулся. Его веселил спор двух старых людей, и он подумал, что оба правы. И это действительно было очень интересно. Одновременно он удивлялся поразительной, необъяснимой «осведомленности» девяностолетней старушки, двадцать пять лет не смотревшей телевизор. «Вполне себе правильное определение времени», — подумал он.

Когда старый Эмиль свернул на мост Победы, бабушка Нанэ сказала:

— Я помню, как строили этот мост. В стрительстве принимали участие немецкие военнопленные. В военной форме без погон рано утром их привозили к Разданскому ущелью, и вскоре местность заполнялась звуками ударов молотков и лопат. Работали до самой ночи. Школьники, спешившие в школу, останавливались поглазеть на них. Военнопленные получали триста граммов хлеба в день. Они с удовольствием брали сыр и фрукты, которые им приносили дети. Взамен немцы одаривали детишек самодельными игрушками...

Бабушка Нанэ была худой и подтянутой. Седые волосы она, как всегда, собрала в «греческую» прическу а-ля царица Зенобия (как часто подшучивал над ней сын Артак), и не забыла, конечно же, про помаду. Она была в синем пальто образца 60-х с каракулевым воротником и серебряной брошью на груди в виде балерины, исполняющей фуэте. Руки ее были в кожаных перчатках, неизвестно каким образом сохранившихся столько лет, а голову она слегка накрыла разноцветной тканной шалью, но не завязала концы, чтоб не испортить прическу.

⁷ Грант Матевосян — выдающийся армянский писатель (1935—2001).

⁸ Мать (*арм.*).

Когда выехали на проспект Маштоца, который бабушка Нанэ неизменно называла проспектом Ленина по старой памяти или просто Проспектом, как называют его все ереванцы, дедушка Эмиль поехал медленнее, чтоб она разглядела город. Старушка надела очки и смотрела из окна серебристого «мерседеса» на посеревшие от зимы дома.

— Все то же самое, — сказала она. — Только вывески другие. И люди другие. — Она кокетливо сняла очки, заботливо положила их в пластмассовый футляр и вздохнула: — Мне б только посмотреть передачу, которую сделала моя внучка о Шарле. И больше ничего не нужно. Сначала я мечтала увидеть ее женой какого-нибудь красавца и матерью, но, наверное, не суждено... Так что... посмотрю эту передачу и помру.

— Не надо так говорить, мама, — сказал Артак с заднего сиденья.

Старый же таксист причмокнул языком, поехал быстрее и после долгой паузы сказал:

— Я очень хорошо знаю вашу внучку. Она молодец. И она действительно знаменитая журналистка и ведущая. Имею честь ее иногда подвозить домой с работы и из дома — на работу.

— Она красавица моя! — заулыбалась бабушка Нанэ и, как всегда, не упустила случая съехидничать: — Странно, что у таких олухов, как мой сын и его женушка, получилась такая красавица-умница!

Артак хмыкнул и полез в карман за сигаретами, хотя и знал, что мать запретит курить в машине.

— Ничего, мам, не переживай. Альбертик, судя по всему, получился точной копией своих родителей.

— Не ворчи на мать! Конечно, Мариам лучше вас всех!

2.

Мариам была лучше всех! В свои сорок она выглядела на двадцать пять. У нее были огромные глаза, широкие скулы, которые могли сводить с ума ничуть не меньше светло-карих, медовых глаз. Она была блестящим журналистом, прекрасной телеведущей, у нее было огромное количество разных знакомых, почти не было друзей и совершенно отсутствовала личная жизнь. Мариам с некоторых пор решила просто ждать. Хотя и точно сама б не могла сказать, чего именно она решила ждать. Уже не знала.

Было полвосьмого вечера. Несмотря на воскресный день, она проработала десять часов и теперь собралась домой. Но ей как-то не улыбалась мысль в такой снег минут тридцать-сорок простоять на остановке в ожидании нужной маршрутки. И поэтому она взяла мобильный и позвонила:

— Алло? Эмиль папи?⁹ Добрый вечер. Вы далеко?

— Тагуис!¹⁰ Скажи, когда и куда подъехать, и я подъеду! Ты на работе, ахчикс?¹¹ В воскресенье?

— Да, я на работе, Эмиль папи-джан.

— Уже подъезжаю. Пять минут. Ты спускайся.

Мариам улыбалась: на старика всегда можно положиться! Теперь она уже не помнила, когда и как так получилось, что старый таксист Эмиль стал ее личным во-

⁹ Дед (арм. разг).

¹⁰ Моя царица (арм.).

¹¹ Девочка моя (арм.).

дителем. Это просто однажды случилось и так пошло с тех пор, хотя они никогда ни о чем конкретном не договаривались. Просто однажды Мариам, работающая менеджером, журналистом и ведущей на телеканале и никогда не бравшая работу домой и поэтому нередко задерживающаяся допоздна в офисе, вызвала такси. Оказалось, что приехавший таксист — чистый, опрятный старик в пиджаке и галстук, с интеллигентными манерами — живет в Ариндже¹², как и она. А потом однажды Эмиль папи предложил подвезти ее на работу. И не взял денег: «Все равно оба в Ариндже живем. Мне не трудно тебя в город подбросить». И уже каждое утро подвозил ее на работу и всегда по вечерам, когда он ехал домой, звонил Мариам — вдруг она еще в центре, чтоб подвезти до дому. Эмиль папи был гражданином Франции, жившим в Париже до пятнадцати лет, и он никогда не говорил «Париж», а говорил всегда «Иль-де-Франс» и подчеркивал, что родители дали ему имя в честь писателя Эмиля Золя. Но в Ереване ему было, конечно, комфортнее, что бы там ни говорили его знакомые. Почти всю жизнь в Ереване прожил. У него были две дочери — обеих устроил во Франции. Еще был внебрачный сын, и Эмиль папи пытался его тоже туда отправить с семьей. Он был в разводе, давно уже. Но, кажется, по-прежнему тосковал по своей жене. Эмиль папи часто употреблял в разговоре французские слова. Мариам же называл по-разному: дочка, фея, царица... Совсем недавно старик спросил Мариам:

— Когда я уеду, ты будешь скучать? — Всегда предполагалось, что Эмиль папи когда-нибудь уедет в свою Францию.

Мариам в шутку ответила:

— Но ведь вы говорили мне, что визу пошлете. Вот и встретимся.

Старик покачал головой и, улыбаясь, ответил:

— Нет. Визу не пошло. Сразу бумагу из загса!

В тот день, когда Мариам вышла из здания бизнес-центра, в котором располагался телеканал, Эмиль папи уже ждал ее.

— Поехали! — сказала Мариам с улыбкой, которую и заметил в зеркале всегда внимательный Эмиль папи.

— Домой?

— Домой, да, Эмиль папи.

Они свернули к гостинице «Арагат», потом, развернувшись, проехали мимо посольства Франции, потом опять повернули, теперь уже к посольству Италии, и Мариам автоматически прошептала:

— Ciao, Claudio!

Это началось с сентябрьского литературного фестиваля, на который Мариам поехала в качестве журналистки. На этом фестивале и спела она пару раз с Клаудио Поццани¹³ песни Челентано, которого они оба, как оказалось, обожают. На итальянском. И Мариам очень хотелось верить, что Клаудио понимает, что она поет. Ведь Мариам, понятно, не знала итальянского: пела на слух. Сначала было трио (Адриано с мобильного, Клаудио, Мариам), когда ждали остальных у Гошаванка¹⁴, а потом спели просто дуэтом (без Адриано), на ужине. После фестиваля у Мариам и устано-

¹² В настоящее время территория поселка Ариндж включена в черту города Еревана.

¹³ Клаудио Поццани — итальянский поэт, художник, основатель «бродячего шоу поэтов» (il circolo de la poesia), в котором сочетаются и магия, и поэзия. Автор нескольких поэтических книг, стихи переведены более чем на 10 языков. Организатор поэтических перформансов, представляемых им в рамках известных международных литературных фестивалей. Живет в Генуе. Министрством культуры Армении награжден памятной медалью «Григор Нарекаци» за «укрепление культурных связей».

¹⁴ Средневековый монастырский комплекс XII—XIII веков в селе Гош в Армении.

вилась стойкая привычка приветствовать итальянского поэта каждый раз, когда шла в офис с какой-то встречи мимо посольства Италии:

— Ciao, Claudio!

Сделав круг по площади Республики (на Амиряна, Абовяна и Налбандяна были пробки), Эмиль папи поехал опять вниз, мимо Пароньяновского театра, потом мэрии и, выехав на мост Победы, протянутый между коньячным заводом и винным комбинатом через ущелье реки Раздан, произнес:

— Знаешь, тагуис, за последние двенадцать часов я уже в шестой раз проезжаю мост Победы в обоих направлениях.

— Значит, мы победим, Эмиль папи, — сказала, горько улыбаясь, Мариам.

— Значит, так, — согласился, причмокнув языком, старый Эмиль папи и повернул на проспект. — Так мы домой? — снова переспросил старик.

— Домой. Поедем уже домой. В Ариндж. Бабушка Нанэ приехала. Впервые за двадцать пять лет. И это чудо рождественское! Приехала специально, чтоб посмотреть мою передачу о Шарле!

— Я знаю, ахчикс. Я сам ее привозил из Грчавана в Ариндж утром.

— И они сейчас смотрят мою передачу... — Потом вдруг как бы себе: — Господи! Какая же я дура! А ведь мне уже сорок! Сорок лет, и такая дура!..

— Что-то стряслось?

— Нет. Просто смотрю, как идет снег. — Что-что, а старому Эмилю Мариам никак не могла рассказать, что утром к ней в кабинет зашел главный редактор канала, и она — неожиданно для себя — целовалась с ним у окна целых пятнадцать минут.

— Снег так самоуверен и самовлюблен, как будто это не он растает при первом же удобном случае и не превратится в жалкую лужицу, — сказал Эмиль папи и с каким-то разочарованием причмокнул языком.

— Снег еще долго будет идти, — сказала с грустной улыбкой Мариам. — Во всяком случае, зима еще долго не закончится.

Эмиль папи не знал, сказать Мариам или нет о том, что, когда он ждал ее у входа в бизнес-центр, ему позвонила невестка и сообщила, что во всем Ариндже вырубили электричество. Авария какая-то. Единственное, что он знал точно, это что передачу своей внучки о великом Шарле Азнавуре бабушка Нанэ из славного города Алеппо так и не смогла посмотреть.